

**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ МОНГОЛИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР) ***

В статье рассматриваются различные теории в отечественной и зарубежной археологической историографии, относящиеся к верхнему палеолиту Монголии. К ним относятся оценки фактического материала стратифицированных памятников, точки зрения на облик индустрий верхнего палеолита Монголии, возраст и внутреннюю периодизацию комплексов, происхождение и эволюцию верхнепалеолитических культур, их место среди синхронных комплексов Южной Сибири и Центральной Азии. Особо отмечается вклад российских археологов в изучение палеолита Монголии. Констатируется, что первый исследователь каменного века Монголии – А. П. Окладников видел корни позднего палеолита этого региона в местных нижнепалеолитических индустриях. Именно он обосновал и разработал теорию центральноазиатско-сибирской леваллуазской общности, которая существовала на протяжении всего среднего и позднего палеолита. Дальнейшее развитие его идеи получили в трудах А. П. Деревянко, В. Т. Петрина, А. Н. Зенина и других археологов. В настоящее время можно утверждать, что верхнепалеолитические индустрии Монголии формировались на местной основе, но при влиянии значительных и постоянных миграций из Южной Сибири и Забайкалья. В свою очередь, при ухудшении природно-климатической обстановки, происходил отток населения из Монголии в соседние регионы. В целом, верхнепалеолитические культуры Монголии относятся к кругу южносибирских технокомплексов позднего палеолита.

Ключевые слова: верхний палеолит, историография палеолита Монголии, стратифицированные памятники, леваллуазская проблема в палеолите Сибири и Центральной Азии, переход от среднего к позднему палеолиту.

Территория Монголии уже более ста лет привлекает внимание исследователей, в той или иной степени занимающихся изучением проблем, связанных с древней историей человека. С середины прошлого века в Монголии работает Российско-Монгольская археологическая экспедиция: с 1949 г. – под руководством А. П. Окладникова (сначала в рамках совместной Советско-Монгольской археологической экспедиции, которую возглавлял С. В. Киселев), а с 1983 г. – под руководством А. П. Деревянко. В 1995 г. к археологическим исследованиям подключились американские коллеги под руководством Д. Олсена. Только за последние 20 лет открыто более 1 тыс. стоянок каменного века, но большинство из них относятся к памятникам с поверхностным залеганием культурного слоя. В связи с этим особую значимость приобретают немногочис-

ленные стратифицированные объекты палеолитического времени, обнаруженные на территории Монголии. К таким относятся стоянки Мойлтын ам и Орхон-1, Орхон-7 в бассейне р. Орхон, пещерные комплексы Цаган-Агуй и Чихэн-Агуй в Гобийском Алтае и мастерские Толбор-4, Дурулж-1 в среднем течении р. Селенги. Все перечисленные объекты содержат материалы, относящиеся к эпохе верхнего палеолита и, возможно, к периоду перехода от среднего палеолита к позднему его этапу. По отдельности материалы этих памятников опубликованы в отдельных статьях, а изучению стоянки Мойлтын ам посвящено монографическое исследование [Окладников, 1981]. В настоящей работе будут рассмотрены оценки авторов фактического материала рассматриваемых памятников, их точки зрения на облик индустрий верхнего палеолита Монголии,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 07-01-00417а) «Генезис и периодизация стратифицированных верхнепалеолитических комплексов Северной Монголии и Забайкалья» и Интеграционного проекта фундаментальных исследований по гуманитарным наукам СО РАН № 7.3. «Становление и эволюция палеолитических культур Северной, Центральной и Юго-Западной Азии».

возраст и внутреннюю периодизацию памятников, происхождение и эволюцию верхнепалеолитических культур, их место среди комплексов Южной Сибири и Центральной Азии. Стратифицированные палеолитические стоянки Монголии локализуются в двух географических зонах: в горах Гобийского Алтая и в Хангайской горной стране. Для изложения материала выбран принцип территориальной принадлежности памятников.

Пещера Цаган-Агуй ($N-44^{\circ}42'43,3''$, $E-101^{\circ}10'13,4''$) находится в Баян-Хонгорском аймаке, на южном склоне Гобийского Алтая, к юго-западу от хребта Дзуун-Ула [Археологические исследования, 1996. С. 10–28; 1998. С. 10–16; 2000. С. 12–21]. Формирование осадков, из которых происходит каменная индустрия раннего этапа позднего палеолита (3–5 слои Большого грота) имеет ряд абсолютных дат. Слой 4 Большого грота накапливался в интервале от 66 ± 9 тыс. л. н. до 49 ± 6 тыс. л. н. (QT 40 и QT 41), а слой 3, согласно нескольким радиоуглеродным определениям, датируется в диапазоне от 30 до 33 тыс. лет [Деревянко и др., 2000. С. 27].

Каменные артефакты изготавливались из местного кремнистого сырья, которое в изобилии имеется в сильно выветрелых выходах в 50 м выше пещеры в виде угловатых блоков, размерами 10–40 см. Артефакты, содержащиеся в отложениях, связанных с третьим циклом осадконакопления (3–5 слои Большого грота), относятся к позднему мустье, началу верхнего палеолита. Первичное расщепление индустрии представлено леваллуазскими нуклеусами для отщепов, которые имеют округлую форму. Среди определяемых у сколов остаточных ударных площадок преобладают гладкие формы. Фасетированная ударная площадка отмечена лишь у леваллуазской пластины. Среди орудий преобладают выемчатые формы с естественным обушком. Единичны продольные скребла, оформленные крутой средне- и крупнофасеточной дорсальной ретушью, одинарные продольные зубчато-выемчатые орудия, оформленные преимущественно крупнофасеточной зубчатой ретушью, скребки на отщепах, комбинированные орудия, сочетающие, как правило, скребковое рабочее лезвие и подтеску, пластины и отщепы с ретушью.

В кровле слоя 3 Большого грота зафиксированы свидетельства применения леваллу-

азской рекуррентной стратегии расщепления нуклеусов. С подобных ядрищ в рамках одного редуцированного этапа производилось до 3–4 снятий удлиненных конвергентных заготовок. Здесь же обнаружен удлиненный ретушированный леваллуазский остроконечник, у которого оба продольных края по всей длине интенсивно подправлены полукрутой дорсальной ретушью, и боковой резец, сделанный из удлиненного отщепа [Деревянко и др., 2000. С. 32–33]. Несмотря на малочисленность коллекций, полученных из отложений, связанных с 3-м циклом осадконакопления, исследователи говорят о формировании верхнепалеолитических индустрий на основе преимущественно местных среднепалеолитических комплексов леваллуазской традиции. Основные аналогии они видят в выделяемой для Монголии леваллуа-мустьерской «оркнорской» линии развития, существовавшей в интервале 40–30 тыс. л. н. (Орок-Нор 1, 2, Орхон-1, яшмовые комплексы северо-восточного фаса Арц-Богдо, верхнепалеолитические комплексы Кремневой Долины, пещера Чихэн и т. д.). В более широком территориальном плане позднепалеолитические комплексы пещеры Цаган-Агуй проявляют много схожих черт с индустриями «карабомовского пласта» Южной Сибири и Северной Монголии [Деревянко и др., 2000. С. 35].

Пещера Чихэн-Агуй ($N-44^{\circ}46'22,3''$, $E-99^{\circ}04'08,7''$, $H-1\ 970 \pm 60$ м) впервые была обследована в 1988 г. [Деревянко и др., 1989. С. 28]. Археологический материал, относящийся к позднему палеолиту, зафиксирован в литологическом слое 3, представленном мелко и среднезернистыми, оглиненными, плотными песками коричневого цвета. Сырьем для изготовления каменных изделий служил кремль различных цветовых оттенков. Среди нуклеусов выделены два ведущих типа: леваллуазские и подпризматические ядрища параллельного принципа скальвания. Все нуклеусы представлены финальной стадией работанности. Об этом свидетельствуют как небольшие размеры изделий, так и следы неоднократного подживления и переоформления предметов. Кроме того, имеются свидетельства зарождения техники микрорасщепления. Это нуклеусы для получения микропластин и сами микропластины. Орудийный набор состоит из скребков, резцов, комбинированных

изделий, ножей и острий. В толще рыхлых отложений, относящихся к плейстоцену, зафиксированы остатки двух очагов. По образцам древесного угля, взятым из остатков одного из древних очагов, получена абсолютная дата – $27\,432 \pm 872$ л. н. (AA–26 580) [Деревянко и др., 2001. С. 25–39]. Исследователи предлагают для палеолитического комплекса грота Чихэн-Агуй очень широкий круг аналогий, включая сюда Северный Китай (Шуйдунгоу) и памятники Алтая (Кара-Бом и Усть-Каракол-1). Наиболее тесные связи отмечаются с материалами пещеры Цаган-Агуй (слои 3–5 Большого грота) и с верхнепалеолитическим комплексом Орхона-1 [Там же. С. 34–38]. Делается вывод, что индустриальный комплекс пещеры Чихэн-Агуй, будучи верхнепалеолитическим по возрасту, является во многом леваллуазским по технико-типологическим характеристикам каменного инвентаря.

Стоянка Мойлтын ам расположена в отрогах Южного Хангая на левом берегу р. Орхон, недалеко от пос. Харахорин [Окладников, 1981. С. 17]. Она была обнаружена А. П. Окладниковым в 1949 г. и раскапывалась под его руководством с 1960 по 1964 гг. [Там же. С. 18; 1983. С. 13–15]. В 1964 г. в исследовании памятника принимал участие геолог-четвертичник С. Л. Троицкий. Он определил, что археологический материал залегал в покровных отложениях II-й надпойменной террасы р. Орхон, которые имели пролювиально-делювиальный генезис. Непосредственно над галечником руслового аллювия выделен глыбовый горизонт селевого происхождения. Согласно заключению С. Л. Троицкого: «Пока что формирование речных отложений второй террасы и ее «покровного комплекса» в целом можно сопоставить с последней ледниковой эпохой (зырянской, валдайской, вюрмской) и датировать их суммарно зырянским временем в самом широком объеме (собственно зырянское + каргинское + сартанское)» [Окладников, 1981. С. 20–25]. По его же определению, формирование селевого слоя связано с климатическими условиями ледникового времени. Тогда зимой формировались мощные снежные покровы, бурно стаивавшие весной, а летом выпадали обильные, периодические осадки [Там же. С. 25]. Далее С. Л. Троицкий делает следующий вывод, что: «...заселение

Центральной Монголии человеком древнего каменного века приняло значительные масштабы в последнюю межстадиальную эпоху (каргинскую по сибирской геохронологии), т. е. 32–20 тыс. лет тому назад» [Там же. С. 26]. Археологический материал залегал по всей толще «покровных» отложений, от бурых супесей сразу под дерном, вплоть до селевого слоя. Всего А. П. Окладников выделил 5 культурных горизонтов, причем он отмечает, что перерыва между ними не было [Там же. С. 28]. Первый культурный слой (бурая поддерновая супесь) определен как мезолитический. В нем преобладают микронуклеусы для получения микропластин (клиновидные и призматические), концевые скребки, проколки на пластинках, ретушированные пластинки и микропластины и собственно микропластины [Окладников, 1981. С. 94–115]. Особо отмечается отсутствие в материалах мезолитического слоя мелких изделий геометрических очертаний, а в целом мезолитический комплекс датируется интервалом от 15 до 12–10 тыс. лет. Материалы нижних слоев Мойлтын ама А. П. Окладников относит к концу среднего и самому началу верхнего палеолита и датирует их возрастом 40–30 тыс. лет [Окладников, 1981. С. 115]. Все нуклеусы, принадлежащие этому комплексу, он определяет как леваллуазские, а в орудином наборе отмечает мустьерские остроконечники, леваллуазские пластины, скребла, зубчато-выемчатые изделия и орудия с шипом, особо оговаривается полное отсутствие резцов. Далее А. П. Окладников выделяет «леваллуазскую общность Востока», куда включает Монголию (Мойлтын ам), Алтай (пещера Страшная), Хакасию (Малая Сья), Забайкалье (Варварина Гора и Толбага) и Ордос (Шуйдунгоу). Причем он особо отмечает, что леваллуазский характер перечисленных памятников рассматривается им в широком смысле [Окладников, 1981. С. 108–115; 1983. С. 19]. В дальнейшем памятник Мойлтын ам тестировался дважды: в 1985 г. участниками совместной Советско-Монгольской комплексной историко-культурной экспедиции под руководством А. П. Деревянко [Деревянко, Петрин, 1990. С. 162] и в 1996–1997 гг. Французско-монгольской археологической экспедицией. В итоге работ 1985 г. выяснилось, что центральная часть памятника располагалась в не очень широкой

полосе лессовой толщи, прилегающей к тыловому шву террасы, а сами находки залегают в 2 хорошо выраженных культурных горизонтах [Деревянко и др., 1986. С. 55–56; 1987. С. 51]. Исследователи особо отметили, что делювиальные процессы на памятнике играли значительную роль в перемещении обработанных камней по отношению к их исходному залеганию [Деревянко и др., 1986. С. 55]. В 1996–1997 гг. исследование стоянки Мойлтын ам возобновили французские археологи под руководством Ж. Жобера [Bertran et al., 1998. С. 210–226]. Уже в 70-е гг. место, где работал А. П. Окладников, было уничтожено карьером, и Ж. Жоберу не удалось «привязаться» к его раскопу. Где производил раскопки сам Ж. Жобер, понять невозможно, так как качество полиграфии сборника оставляет желать лучшего [Там же. С. 214–215]. Из текста ясно, что раскопы располагались где-то у тылового шва террасы. Во французской команде работал опытный геолог П. Бертран. Он определил, что вся толща отложений, содержащая археологический материал, сильно повреждена криогенными нарушениями в виде морозобойных клиньев. Более того, самые глубокие находки принадлежат верхней части слоя солифлюксия. Следовательно, ни о какой инсцитности залегания археологического материала говорить не приходится [Там же. С. 213–221]. Французские археологи констатируют, что палеолитические находки перемешаны, основной их массив относится к верхнему палеолиту, хотя встречаются отдельные изделия среднепалеолитического времени. В целом, памятник Мойлтын ам оценивается ими как мастерская верхнепалеолитического возраста с переотложенным культурным горизонтом, который невозможно расчленить на какие-либо подразделения [Там же. С. 221–226]. Почему же по поводу одного памятника существуют столь разные точки зрения? На наш взгляд, объяснение может быть следующим. Еще А. П. Окладников отмечал множественность археологического подъемного материала в районе раскопа на Мойлтын аме и выше по течению р. Орхон и на склонах отрогов Хангая и на правом берегу реки, даже в самом поселке Харахорин. Ж. Жобер наткнулся просто на совершенно другой памятник. Он, соответственно, имел иную стратиграфическую картину и иной характер залегания

артефактов. Ситуация, когда в одном, сравнительно небольшом по площади регионе сконцентрировано много археологических памятников, относящихся к одной эпохе, не так уж редка. Вспомним скопление палеолитических объектов на Алтае в окрестностях Денисовой пещеры, та же картина наблюдается и на р. Селенге в Монголии в районе стоянок Толбор-4, Толбор-15 (об этом подробнее будет сказано ниже). Примечательно, что после публикаций А. П. Окладникова интерес к стоянке Мойлтын ам постепенно угас, а ее материалы в литературе почти не дискутировались. Публикация французских археологов вновь всколыхнула интерес к этому объекту. Что же такое Мойлтын ам? Не вызывает сомнений, что в подперновом слое бурых супесей залегают материал непотревоженный, инсцитный материал, это отмечает и А. П. Окладников, и Ж. Жобер с коллегами. С. Л. Троицкий относит это литологическое подразделение к началу голоцена [Окладников, 1981. С. 21–26]. Мы полностью согласны с этим определением. Что касается находок, которые залежали ниже, мы склонны согласиться с выводами А. П. Деревянко и В. Т. Петрина, которые объединили все палеолитические артефакты в один 2-й слой. В настоящее время гипотеза А. П. Окладникова о существовании единой обширной центральноазиатской леваллуазской провинции во время верхнего палеолита получила дальнейшее развитие. Выделяется переходный этап от среднего к верхнему палеолиту, во время которого сохранялись леваллуазские традиции как в технологии подготовки нуклеусов и получении с них заготовок, так и в оформлении орудийного инвентаря. Такой переход не был одноактным явлением и происходил на обширных пространствах Центральной Азии и Южной Сибири в разное время. На наш взгляд, палеолитические материалы слоя 2 Мойлтын ама относятся к ранней поре верхнего палеолита и могут быть датированы финалом каргинского – началом сартанского периодов и входят в круг верхнепалеолитических пластинчатых индустрий Южной Сибири и Центральной Азии. Некоторый налет «архаичности», небольшое количество готовых орудий, обилие «галечных» орудий, объясняется, на наш взгляд, функциональным типом памятника. Мойлтын ам – типичная мастерская по раскалыванию сырья, получению заготовок и

изготовлению из них орудий, которые затем транспортировались в другое место.

В 1985 г. участниками совместной Советско-Монгольской комплексной историко-культурной экспедиции под руководством А. П. Деревянко был открыт ряд памятников каменного века на левом берегу р. Орхон выше по течению от стоянки Мойлтын ам [Деревянко и др., 1986. С. 56], два из них, получившие названия Орхон-1 и Орхон-7, исследовались стационарными раскопками с 1986 по 1989 г. [Деревянко и др., 1986. С. 55–56; 1987. С. 51; 1988. С. 28–30; 1989. С. 34; 1990]. Следует отметить высокий уровень и комплексность полевых работ с привлечением специалистов естественнонаучных дисциплин. Комплексное исследование памятников позволило провести корреляцию разрезов. Сделана полная литологическая и геохимическая характеристика отложений, отобраны и определены фаунистические остатки, выполнен палинологический анализ. И, что является на наш взгляд самым основным, получена внушительная серия абсолютных ЭПР и ^{14}C дат. Всего с разрезов двух памятников имеется 19 дат, которые охватывают огромный временной отрезок от начала голоцена до финала ермаковского времени [Деревянко и др., 1992. С. 18, рис. 7, 11, 16]. С археологией дело обстоит иначе. Материалы стоянки Орхон-1 опубликованы в очень сжатом виде [Деревянко, Петрин, 1990. С. 161–173], а археологические находки с Орхона-7 опубликованы фрагментарно [Колобова и др., 2006. С. 296–301; Славинский, Цыбанков, 2006а. С. 151–166; Славинский, Цыбанков, 2006б. С. 146–148]. А. П. Деревянко и В. Т. Петрин выделили на стоянке Орхон-1 три культурных слоя, а на Орхоне-7 пять культурных слоев. Первые горизонты обоих памятников определены ими как финальнопалеолитические – раннеголоценовые. Для нижележащих слоев была предложена следующая корреляция: «... второй культурный горизонт Орхона-1 сопоставляется с культурными отложениями второго и третьего горизонтов Орхона-7; нижнему (третьему) слою иловатых отложений Орхона-1 соответствует нижний слой (пятый горизонт) Орхона-7; четвертый культурный горизонт Орхона-7 не нашел аналогии в разрезе Орхона-1» [Деревянко и др., 1988. С. 29]. В результате получилось 4 крупных культурных подразделения, разделенных «стерильными

прослойками». Первое относится к индустрии мезолита – финала верхнего палеолита, второе – к индустриям средней стадии позднего палеолита. Третье культурное подразделение включает индустрии начальной поры верхнего палеолита, а четвертое относится к финалу среднего палеолита (возможно, часть материалов принадлежит к средней стадии среднего палеолита). Далее говорится, что четвертое культурное подразделение принадлежит пойменной фации разреза Орхона-1 и Орхона-7, третья залегает в подошве делювиальных покровных отложений этих стоянок, а второе расположено в средней части этих же отложений [Асташкин и др., 1993. С. 12; Деревянко и др., 1994. С. 70–71]. На наш взгляд, эта схема чередования культурных слоев на памятниках Орхон-1, 7 наиболее полно отражает действительность. Неоднозначно и место орхонских памятников среди других палеолитических объектов Центральной Азии и Южной Сибири. В. Т. Петрин в свое время выделил две традиции внутри 4-го культурного подразделения: это зубчато-выемчатая линия (зафиксированная только на Орхоне-7), основанная на ортогональном расщеплении, и леваллуазская, которая присутствует на обоих памятниках [Деревянко и др., 1994. С. 70–71; Петрин, 1991. С. 36–37]. Без полной публикации археологического материала эту гипотезу на сегодня невозможно верифицировать. Далее, по схеме В. Т. Петрина, из леваллуазской линии развивается ранний верхнепалеолитический компонент (3-е культурное подразделение), который затем эволюционирует в комплексы развитого верхнего палеолита (2-е культурное подразделение). Оба верхнепалеолитических слоя он относит к широкому кругу индустрий «карабомовского пласта» [Петрин, 1991. С. 41]. Эта схема подверглась вполне обоснованной критике в работах В. С. Славинского и А. А. Цыбанкова. Основываясь на результатах ремонтажа нуклеусов из 3-го культурного подразделения стоянки Орхон-7, они утверждают, что техника расщепления этого комплекса сильно отличается от техники, присущей синхронным индустриям стоянки Кара-Бом. По их мнению, леваллуазская техника раскалывания на орхонских стоянках была ориентирована на получение удлиненных овальных отщепов, а на Кара-Боме – на получение треугольных сколов. В верхнепалеолитичес-

ких слоях Орхона-7 применялась плоскостная техника получения пластинчатых конвергентных заготовок, на Кара-Боме перед получением заготовок использовалась техника реберчатой пластины, которая способствовала более рациональному использованию объема нуклеуса [Славинский, Цыбанков, 2006а. С. 164, 2006б. С. 146–148]. Очень осторожно эти исследователи относятся и к эволюционной связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими комплексами орхонских памятников. Они отмечают: «По крайней мере, в рамках этих памятников отсутствуют явные «переходные» культурные горизонты, имеющие технологические характеристики ниже и вышележащих слоев, отражающие «эволюционную трансформацию» одной технологии в другую» [Славинский, Цыбанков, 2006а. С. 165–166; 2006б. С. 146–148]. Подводя итог, следует отметить, что изучение археологического материала памятников Орхон-1, 7 еще очень далеко от своего завершения. Отсутствие детального анализа составляющих частей индустрий разных слоев делает выводы большинства авторов несколько декларативными. Радует тот факт, что в настоящее время археологические коллекции стоянок р. Орхон активно обрабатываются и в скором будущем ожидается их публикация.

Еще два стратифицированных палеолитических объекта также расположены в Хангае, в бассейне р. Селенга. Это многослойные стоянки Толбор-4 и Толбор-15.

Памятник Толбор-4 (E–49°17'23,9", N–102°57'55,3", H–1044 м) находится на пологом склоне горы, которую огибает ручей Их-Булаг. Далее ручей впадает в р. Толбор. Исследователями было выделено 6 горизонтов залегания археологического материала. Фаунистические остатки представлены единичными фрагментами костей плохой сохранности [Деревянко и др., 2007. С. 17–18]. Материалы 1–3 горизонтов относятся к средней и, вероятно, поздней стадии верхнего палеолита. Они характеризуются доминированием однонаправленного отщепового плоскостного расщепления, низкими индексами пластинчатости и присутствием элементов развитого микрорасщепления (клиновидные и небольшие призматические нуклеусы). В орудийном наборе преобладают тщательно обработанные,

серийные, выразительные скребла (средний показатель 19,9 %), скребки (21,6 %), шиповидные орудия (14 %) [Деревянко и др., 2006. С. 20–25]. Некоторые типы орудий и особенности первичного расщепления позволяют предположить генетические связи данных комплексов с индустриями нижележащих горизонтов 4–6, относящихся к пластинчатой традиции ранней поры верхнего палеолита [Рыбин и др., 2007]. По своим технико-типологическим особенностям материалы горизонтов 1–3 имеют определенное сходство с верхними слоями стоянки Мойлтын ам и такими забайкальскими объектами, как Усть-Кяхта-17 и Санный Мыс [Деревянко и др., 2007. С. 18]. Типологический состав орудий во всех горизонтах примерно одинаков, это касается как удельного веса основных категорий, так и «редких» типов орудий. Характер и специфика вторичной обработки схожа во всех слоях. Типологический облик орудийного набора комплексов горизонтов 4–6 определяет три основных компонента индустрии: скребки (18–19 % всех орудий), шиповидные орудия (от 12,8 % в 6-м горизонте до 23,6 % в 4-м) и зубчато-выемчатые инструменты [Деревянко и др., 2006. С. 25–37; 2007. С. 19–20]. Кроме того, в 5-м горизонте была найдена бусина, сделанная из скорлупы яйца страуса, а в 6-м – костяное шило. Изучение технологии первичного расщепления показывает, что происходит переход от бипродольной к однонаправленной стратегии утилизации нуклеусов, увеличивается доля отщепов и уменьшается удельный вес пластин в составе индустрии сколов, равно как и уменьшаются размеры сколов. Для индустрии 4-го горизонта показательно снижение индексов фасетированности, предполагается более широкое использование мягкого отбойника, а также отсутствие крупных остроконечных пластин с бипродольной огранкой, широко представленных в 5 и 6 горизонтах [Рыбин и др., 2006. С. 203]. Высказано предположение о связи морфологии конечных форм нуклеусов со стадией утилизации, в которой они были оставлены. Расщеплявшиеся с использованием тех же приемов, что и объемные нуклеусы, плоскостные формы характеризуются заметно меньшими размерами и меньшей выпуклостью фронта раскалывания. «Плоскостные» нуклеусы могут быть продуктом истощения подпризматических объемных

нуклеусов [Деревянко и др., 2007. С. 36–37]. Всесторонний анализ археологического материала из всех горизонтов стоянки Толбор-4 позволил определить разную функциональную направленность деятельности древнего человека. В комплексе горизонта 4 фиксируется очень высокая степень интенсивности первичного расщепления. Она была вызвана импортом большого объема сырьевого материала из отдаленных источников, а максимальная для стоянки степень эффективности утилизации нуклеусов могла быть вызвана также и приносом некоторого объема орудий с собой [Рыбин и др., 2006. С. 201–218]. Ранневерхнепалеолитические горизонты Толбора-4 – это комплексы, связанные с интенсивным раскалыванием камня, но с малой интенсивностью производства и использования орудий, часть которых, очевидно, была унесена с территории стоянки. Горизонты 5, 6 являются типичными мастерскими, основанными на местном сырье, в то время как в более позднем комплексе 4-го горизонта отмечается значительно больший акцент на использование и транспортировку каменного материала, происходящего из более удаленных источников. Аналогии для комплексов горизонтов 4–6 Толбора позволяют определить их принадлежность к широкому кругу южносибирских и центральноазиатских памятников ранней поры верхнего палеолита. Технология расщепления этого памятника очень близка основным вариантам параллельного пластинчатого раскалывания, определенным ранее для комплексов региона. Орудийный набор, при наличии определенных локальных различий, также свидетельствует о генетических связях монгольских индустрий в рамках феномена ранней поры верхнего палеолита Южной Сибири [Деревянко и др., 2007. С. 36–37].

Еще один стратифицированный палеолитический объект – Дурулж-1 (Dögölj-1) расположен недалеко от впадения в Селенгу ее левого притока р. Эгийн-Гол. Памятник был открыт и изучался отрядом Французско-монгольской археологической экспедиции [Jaubert et al., 2004. P. 225–241]. По данным исследователей, культурный слой стоянки залегает в основании 4-метрового разреза отложений, в толще, насыщенной обломочным материалом. Отмечаются следы солифлюкций и морозного растрескивания, поэтому допускается

вероятность, что слой может быть расчленен на несколько эпизодов заселения. Это может быть подтверждено радиоуглеродными датами $29\,540 \pm 390$ л. н. (GifA-99 561) и $31\,880 \pm 800$ л. н. (GifA-11 664), а также $21\,820 \pm 190$ л. н. (GifA-102 451) и $22\,030 \pm 180$ л. н. (GifA-102 453). Для первичного расщепления комплекса характерно сочетание нескольких стратегий расщепления – параллельной однополярной, реализуемой при расщеплении плоскостных нуклеусов, и бипродольной параллельной, применяемой при утилизации подпризматических нуклеусов. Основными сколами-заготовками были пластины, а также крупные удлиненные пластины, в том числе остроконечной формы. При раскалывании активно использовался прием снятия реберчатых пластин. В комплексе также представлены торцовые нуклеусы небольших размеров, выполненные на сколах и небольших обломках, с которых скалывались пластинки и микропластины. В индустрии также имеются радиальные ядрища, направленные на производство отщепов. Основными типами орудийного набора являются концевые скребки на пластинах, шиповидные орудия, зубчатывыемчатые орудия, ретушированные пластины, а также скребла, в том числе высокой формы. Единичными предметами представлены резцы и долотовидные орудия. В ходе раскопок стоянки были обнаружены просверленные подвески из скорлупы яиц страусов. Отмечается идентичность основных вариантов технологии расщепления и категорий орудийного набора комплекса Дурулжа-1 с индустриальными комплексами нижних горизонтов Толбора-4 (особенно горизонта 4), скорее всего относящихся к одному культурному варианту раннего верхнего палеолита [Деревянко и др., 2006. С. 38–39].

Подведем некоторые итоги. За более чем полувековую историю изучения каменного века Монголии усилиями российских археологов была исследована практически вся территория этой страны. Открыто огромное количество памятников с поверхностным залеганием культурного слоя и ряд стратифицированных объектов. Материалы всех этих памятников нашли отражение в специальной литературе. Но, следует отметить дисбаланс в оперативности, фактическом наполнении и информативности этих публикаций. Материалы мастер-

ской Толбор-4 опубликованы почти в полном объеме. Им дана подробная характеристика, отмечены общие черты между индустриями разных горизонтов, сделана аргументированная попытка выявления функциональных особенностей разных слоев памятника. Сравнение индустрий Толбора-4 с материалами памятников Забайкалья и Алтая хорошо аргументировано и не вызывает сомнений.

Материалы пещерных комплексов Гобийского Алтая демонстрируют несколько иную линию развития верхнего палеолита этой территории с сохранением сильного влияния леваллуазской традиции в подготовке нуклеусов и получении заготовок. Несколько особняком находятся материалы верхнепалеолитических слоев стоянок Орхон-1 и Орхон-7. О комплексах развитой и поздней стадии верхнего палеолита вообще ничего нельзя сказать потому, что они не опубликованы. Индустрия ранней поры верхнего палеолита, на наш взгляд, не имеет аналогий в материалах синхронных памятников с соседних регионов.

Остается открытым и вопрос о происхождении индустрий верхнего палеолита Монголии. Выводить их напрямую из позднемустьерских комплексов Орхона-1 и Орхона-7, на наш взгляд, пока преждевременно.

Список литературы

Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1995 году / Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В. Т., Зенин А. Н., Кривошапкин А. И., Ривс Р. У., Девяткин Е. В., Мыльников В. П. Новосибирск, 1996. 327 с.

Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1996 году / Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В. Т., Зенин А. Н., Кривошапкин А. И., Николаев С. В., Мыльников В. П., Ривс Р. У., Гунчинсурэн Б., Цэрэндагва Я. Новосибирск, 1998. 343 с.

Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В. Т., Гладышев С. А., Зенин А. Н., Кривошапкин А. И., Мыльников В. П., Гунчинсурэн Б., Цэрэндагва Я. Новосибирск, 2000. 384 с.

Асташкин А. В., Деревянко А. П., Милов А. Д., Николаев С. В., Петрин В. Т., Цветков Ю. Д. ЭПР-датирование: сравнение данных по датированию костных остатков на археологическом памятнике Орхон-7 (Монголия) методом ЭПР и ^{14}C // *Altaica*. 1993. № 3. С. 9–16.

Деревянко А. П., Гладышев С. А., Олсен Д., Петрин В. Т., Цэрэндагва Я. Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2001. № 1 (5). С. 25–39.

Деревянко А. П., Дорж Д., Алексеев В. П., Васильевский Р. С., Ларичев В. Е., Петрин В. Т., Цэвэндорж Д. Археологические исследования в Монголии в 1985 году // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии*. 1986. Вып. 3. С. 54–62.

Деревянко А. П., Дорж Д., Ларичев В. Е., Петрин В. Т. Археологические исследования в Монголии в 1986 г. // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии*. 1987. Вып. 3. С. 50–53.

Деревянко А. П., Дорж Д., Ларичев В. Е., Петрин В. Т. Археологические исследования в Монголии в 1987 году // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии*. 1988. Вып. 3. С. 21–30.

Деревянко А. П., Дорж Д., Ларичев В. Е., Петрин В. Т. Археологические исследования в Монголии в 1988 г. // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии*. Новосибирск, 1989. Вып. 2. С. 26–34.

Деревянко А. П., Дорж Д., Ларичев В. Е., Петрин В. Т. Археологические исследования в Монголии в 1989 г. // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии*. 1990. Вып. 3. С. 51–58.

Деревянко А. П., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор) // *Человек и пространство в культурах каменного века Евразии*. Новосибирск, 2006. С. 17–43.

Деревянко А. П., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Тол-

бор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 16–38.

Деревянко А. П., Николаев С. В., Петрин В. Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая // РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск, 1992. 87 с.

Деревянко А. П., Николаев С. В., Петрин В. Т. Стратиграфия и палеогеография палеолитических памятников Хангая // Altaica. 1994. № 4. С. 69–71.

Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапкин А. И., Петрин В. Т., Брантин-гхэм П. Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1 (1). С. 23–36.

Деревянко А. П., Петрин В. Т. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. междунар. симп. / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. С. 161–173.

Колобова К. А., Славинский В. С., Цыбанков А. А. Орудийная коллекция начала верхнего палеолита памятника Орхон-7 (по материалам первого раскопа) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 296–301.

Окладников А. П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия). Новосибирск, 1981. 464 с.

Окладников А. П. Палеолит Монголии в свете новейших исследований // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983. С. 8–21.

Петрин В. Т. Палеолит Западной Монголии. Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук в виде науч. докл. / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1991. 54 с.

Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А. Возникновение и развитие «отщепо-

вых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 137–153.

Рыбин Е. П., Зенин А. Н., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Чаргынов Т. Т. Интенсивность утилизации каменного сырья и производственная деятельность человека в ранней поре верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянки Толбор) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 201–218.

Славинский В. С., Цыбанков А. А. Реконструкция технологии расщепления камня технокомплекса Орхон-7 (раскоп 1), Южный Хангай (по данным ремонтажа) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. Новосибирск, 2006а. С. 151–173.

Славинский В. С., Цыбанков А. А. Технология первичного расщепления ранневерхнепалеолитической индустрии Орхон-7 (по материалам раскопа 1) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006б. С. 146–148.

Bertran P., Jaubert J., Olive M., Siltiviy V., Tsogtbaatar B. The Palaeolithic Site of Moil'tyn Am (Harhorin, Mongolia), Thirty Years After A. P. Okladnikov // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симп. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 210–226.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J. P., Desclaus M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiin Gol). Analogies avec les données de l'Altaï et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. Oxford, 2004. P. 225–241.

Материал поступил в редколлегию 14.02.2007

S. A. Gladyshev

**UPPER PALEOLITHIC OF MONGOLIA:
CURRENT STATE AND RESEARCH PERSPECTIVES (HISTORIOGRAPHICAL OVERVIEW)**

The article is devoted to the various theories on the Upper Paleolithic of Mongolia presented in Russian and foreign archaeological literature. These focus on the materials of the stratified sites, points of view on the types of industries of the Upper Paleolithic of Mongolia, age and chronology of the complexes, origins and evolution of Upper Paleolithic cultures, and its place among the contemporary complexes of South Siberia and Central Asia. The role of Russian archaeologists in the investigations of Upper Paleolithic of Mongolia is underlined. One of the first researches of the Stone Age in Mongolia – Alexei P. Okladnikov – suggested the roots of Late Paleolithic in the region in local Lower Paleolithic industries. It was A. P. Okladnikov who developed and demonstrated the theory of Central Asian-Siberian Levallois tradition which existed during all Middle-Late Paleolithic periods. The further evolution of his theory was done by the works of Anatoly P. Derevianko, Valeri T. Petrin, and Anatoly N. Zenin et al. Today it's possible to regard the origin of Upper Paleolithic industries in Mongolia on the base of local tradition but also with constant influence of migrations from South Siberia and Trans Baikal regions. From another side during the negative changes in climatic conditions there could be alternative migrations from Mongolia to adjacent territories. In whole Upper Paleolithic cultures of Mongolia belong to the South Siberian techno complexes.

Keywords: Upper Paleolithic, history of the researches of the Paleolithic in Mongolia, stratified sites, Levallois problem in the Paleolithic of Siberia and Central Asia, Middle – Upper Paleolithic transition.